

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-188-200>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)53

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. М. В. Каплун
г. Москва, Россия

ГЕНДЕРНЫЕ ПРОЕКЦИИ В ПОВЕСТИ Н. В. НЕДОБРОВО «ДУША В МАСКЕ»

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН

Аннотация: Прозаическая повесть Н. В. Недоброво «Душа в маске», написанная в 1914 г., вобрала в себя основные идеи творчества писателя и продолжила развитие гендерного (фемининного) дискурса эпохи модерна. В значительной степени поиски «души в маске», возможности выразить свое лирическое «я», сопряженные с театральностью бытия, необходимостью социального маскарада, характерны для большинства произведений писателей-модернистов. Тема масок в равной степени присутствует в лирике символизма и близкого Недоброво акмеизма (например, в творчестве А. А. Ахматовой, ближайшей подруге Недоброво). Маскарад в повести несет две функции — сюжетообразующую и философскую. Сделав центром повести рефлексирующую героиню Ольгу, Недоброво выводит ряд мужских характеров, столкновение с которыми призвано раскрыть главный женский образ. На оппозиции мужское/женское (маскулинности/фемининности) строится основной конфликт повести, связанный с невозможностью умной женщине высказаться в мужском обществе, чтобы быть услышанной и понятой, не надев при этом маску. Маска в повести служит своеобразной гендерной проекцией, попыткой преодоления социального маскарада, который всегда сопряжен с кризисом идентичности. В случае героини повести маска, надетая на готовую социальную маску, дает обратный эффект, только подчеркивающий гендерное различие и, соответственно, ведущий к раскрытию фемининности героини. Исходя из этого, «женский вопрос», поднятый в повести, решается в русле патриархальных представлений консервативного гендерного дискурса рубежа веков.

Ключевые слова: Н. В. Недоброво, «Душа в маске», модернизм, повесть, маска, маскарад, театральность, гендерный дискурс, гендерная проекция, гендерная оппозиция, фемининность, маскулинность.

Информация об авторе: Марианна Викторовна Каплун — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>. E-mail: tangosha86@mail.ru

Дата поступления статьи: 29.05.2020

Дата публикации: 28.06.2021

Для цитирования: Каплун М. В. Гендерные проекции в повести Н. В. Недоброво «Душа в маске» // Вестник славянских культур. 2021. Т. 60. С. 188–200. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-188-200>

Прозаическая повесть русского поэта, критика, литературоведа Николая Владимировича Недоброво (1882–1919) «Душа в маске» была опубликована в журнале «Русская мысль» в 1914 г. [16]. Как указывает крупнейший исследователь жизни и творчества Н. В. Недоброво Е. И. Орлова, в произведении прослеживаются идеи А. Бергсона, А. Потебни о концепции восприятия и памяти, интуитивного мышления (см.: [20, с. 192–204; 22]). В повести нашёл отражение «женский вопрос», связанный со сдвигами в изображении женских героинь в эпоху модернизма. Главная героиня — юная дворянка Ольга Александровна — задаётся вопросом о преобладании красоты над истинной сущностью человека. Повесть открывается рассуждениями героини о том, что красота не даёт мужчинам разглядеть её душу: «Но разве цвет можно подбирать только к лицу? А к стану, к росту, к движениям, а к душе, наконец? Или у меня нет души?», «Красота, это — самая высокая, самая беззвучная стена между людьми», «И что бы я ни делала, смеюсь ли, страдаю ли, — я чувю, — как мною любят, а о душе и не вспомнят» [16, с. 77]. Ольга задаётся целью «привлечь человека просто собою, а не этим внешним», скрыв своё лицо. Как точно отмечает Е. И. Орлова, «душа требует отклика, познать себя, находясь в пределах лишь своей личности, невозможно» [20, с. 203]. Для поставленной задачи героиня хочет использовать готовящийся новогодний маскарад в Дворянском Собрании, чтобы под маской костюма домино поговорить с Петром Кирилловичем Стрешневым, «достойнейшим человеком», слова которого однажды произвели на неё неизгладимое впечатление.

Маскарадная (театральная) тема, поднятая Н. В. Недоброво в повести, была широко распространена в литературе модернизма, включая творчество акмеистов¹. На рубеже веков тягу к театральности, маскараду можно объяснить возможностью бегства от реальности в мир прошлого или мифологический вымышленный мир [13, с. 22]². Например, у Н. С. Гумилева образ и символ маски занимает одно из центральных мест в конструировании его мифологических поэтических образов (см.: [9, с. 126–133; 26, с. 170–183]). Показательным является стихотворение Н. С. Гумилева 1918 г. «Маскарад», в котором описание маскарада выливается в безудержную карнавальную какофонию:

В глухих коридорах и в залах пустынных
Сегодня собрались веселые маски,
Сегодня в увитых цветами гостиных
Прошли ураганом безумные пляски
<...>
Под маской мне слышался смех ее юный,
Но взоры ее не встречались с моими,
Бродили с драконами под руку луны,
Китайские вазы металась меж ними.

[6, с. 18–19]

¹ Вопрос, к какому литературному течению принадлежал Н. В. Недоброво, до сих пор остается открытым, подробнее о взаимоотношениях Недоброво и акмеизма в работах Е. И. Орловой (см.: [20, с. 162–175; 21, с. 313–321]).

² Большинство писателей-модернистов высказывались по поводу целей и задач театра (театральности) в эпоху перемен (см.: [23, с. 202–219]).

Творчество другого акмеиста М. А. Кузмина пронизано идеей театральности жизни и искусства как своеобразного маскарада, что нашло отражение в сборнике «Сети» (1908) в цикле «Ракеты» [5, с. 690]. В открывающем цикл стихотворении «Маскарад» (1906) возникает зрелище изысканного праздника с масками персонажей из итальянской комедии дель арте, создающими атмосферу обманчивости и мимолетности:

...Запах грядок прян и сладок,
Арлекин на ласки падок,
Коломбина не строга.

Пусть минутны краски радуг,
Милый, хрупкий мир загадок,
Мне горит твоя дуга! [11]

Описание маскарада у Н. В. Недоброво перекликается с карнавалом Н. С. Гумилева и М. А. Кузмина: «Залы Дворянского Собрания привычно сияли, но толпа была странна: она едва-едва только развязнее, чем на балу — была неузнаваема; маскированные люди казались большими заводными куклами и сливались в яркую рябь» [16, с. 85].

Особое место маскарадная тема занимала в творчестве символистов, например, у А. А. Блока, с которым Н. В. Недоброво был хорошо знаком и состоял в переписке [24, с. 292–296]. Как указывает С. Гольдберг, среди театральных стихотворений А. А. Блока маскарадная эстетика наиболее сильна в сверхсимволистском цикле «Снежная маска» (1907) [4]. В стихах этого цикла отразились впечатления А. А. Блока от «бумажного бала» — костюмированного вечера, устроенного актрисами театра им. В. Ф. Комиссаржевской, где дамы были в маскарадных костюмах из бумаги («трехвенечная тиара», «На конце ботинки узкой // Дремлет тихая змея») [19, с. 426]³. С символистской эстетикой маскарада повесть Н. В. Недоброво связывают цитаты из Ш. Бодлера и В. Брюсова о маске красоты и заключенном духе. Например, строки, вынесенные в эпиграф: “Que c'est un dur métier que d'être belle femme...” (Как красиво быть красивой женщиной...) [16, с. 77; 20, с. 201]. Сама героиня цитирует именно Ш. Бодлера в оригинале, желая доказать, что положение красавицы не вызывает желания проверить ее ум: “Que m'importe que tu sois sage? Sois belle! Et sois triste!” (Что мне до твоего благоразумия? Будь прекрасна! Будь печальна!) [16, с. 78]⁴. В кульминационном разговоре со Стрешневым героиня цитирует Брюсова: «Напрасно дух о свод железный / Стучится крыльями, скользя. // Он вечно здесь, над той же бездной: / Упасть в соседнюю — нельзя!» [16, с. 87]⁵. Тема мятущегося духа не раз поднималась в лирике Недоброво, например,

³ Например, в стихотворении «Под масками» 9 января 1907 присутствуют одушевленные символистские образы: «маска», «совесть», «ночь» и т. д.: «А под маской было звездно. // Улыбалась чья-то повесть, / Короталась тихо ночь. // И задумчивая совесть, / Тихо плавая над бездной, / Уводила время прочь. // И в руках, когда-то строгих, / Был бокал стеклянных влаг. // Ночь сходила на чертоги, / Замедля шаг. <...>» [1].

⁴ Цитата из стихотворения «LXXXV Грустный мадригал» (Madrigal triste) из сборника Ш. Бодлера «Цветы зла» (Les Fleurs du mal) (1857), главными темами которого являются скука, уныние, меланхолия: «Не стану спорить, ты умна! // Но женщин украшают слезы. // Так будь красива и грустна, / В пейзаже зыбь воды нужна, / И зелень обновляют грозы» (пер. В. Левин) [2, с. 124–125].

⁵ Сам Недоброво в сноске повести указывает, что «прекрасная строфа эта принадлежит Брюсову Н. Н.», тем самым подчеркнув близость идей символиста В. Я. Брюсова своим собственным.

«О как мучительны мгновения свиданий...», «Дух изможденный, дух усталый...»: «О как мучительны мгновения свиданий / среди бездействия, забот, трудов, страданий / с тобою, мстящий дух, сияющий, немой! // Живущий человек как жалок пред тобой! <...>» (27.X.1902 Харьков), «Дух изможденный, дух усталый. // Зачем себя тревожишь ты, / Укор мне шепчешь запоздалый, / Смущая вялые мечты <...>» (26.XII.1902–8.I.1903) [17].

В «Душе в маске» маскарад выполняет две функции. Первая — сюжетообразующая — встреча Ольги и Стрешнева на новогоднем карнавале является кульминационной, после нее наступает развязка. Вторая — философская, в которой социальный маскарад выступает поводом для размышлений героев над невозможностью выразить человеческую сущность словами даже посредством маски. Верный друг героини Константин Андреевич Хлудов прямо говорит о трудностях «маскарадного» диалога вне действия, опираясь на идеи Потебни: «А язык, нужный для такого разговора, вы разве придумали?», «Видите ли, вне слова не выразить мысли <...>. Когда я говорю: “этот человек добр”, разве я о душе говорю? Нет, я хвалю поступки. И так всегда. <...> Нет дела, тогда, конечно, нет и названия, а нет названия, не может быть ни мысли, ни речи» [16, с. 79–80; 20, с. 202–203]. В попытке «выразить себя» и «показать свой ум» Ольга решает отправить анонимное письмо Стрешневу, с которым желает поговорить по душам на грядущем маскараде. Но встреча с «человеком, способным к серьезным мыслям», оказывается большим разочарованием для героини, когда даже под маской Ольга оказывается не способной заинтересовать собеседника-мужчину своим умом. Теория героини о масках, которые носит общество, обезличивающих человеческую природу, и превосходстве одиночества над жизнью в социуме, разбивается о равнодушие ее собеседника, заинтригованного лишь интересом к женщине под маской. Стрешнев с иронией указывает на чрезмерную образованность женщин в нынешнем обществе, способном порождать чуждые обществу идеи: «Вы, видно, недавно завершили именно то высшее образование, которое желаете всем. Так чуждо нам, овцам, уготованным к коллективизму, все сказанное вами. А ну, как вы и современных альманахов не читаете?» [16, с. 88]. Последние иллюзии Ольги о «разговоре по душам» разбиваются, когда Стрешнев открыто признает, что рассматривает свою собеседницу как весьма заинтересованную в нем, как мужчине, особу: «Серые бабочки всегда летят к самому яркому светочу, а ты, серая бабочка, около меня!» [16, с. 88]. Но настоящим разочарованием для героини становится фраза Стрешнева в ответ на рассуждения о неравенстве и красоте, после которого Ольга покидает маскарад: «Ну, маска, не знаю, умна ли ты, но что ты красива, это я знаю!» [16, с. 90]. Как указывает Е. И. Орлова, «для Ольги это означает провал всего ее плана, поскольку душа ее оказалась не раскрыта и не разгадана для другого человека: снова за «маской» тела» [20, с. 204].

В эпизоде со Стрешневым вскрывается гендерный мотив повести, основанный на оппозиции в восприятии мужского и женского. Н. В. Недоброво с одной стороны, наделяет свою героиню острым умом, способным «заглянуть под маску в душу», но, с другой стороны, рисует портрет воплощенной феминности⁶. Ольга хочет, чтобы мужское общество воспринимало ее на равных, а не через призму женственности и красоты, но, чтобы добиться поставленной цели, героиня вынуждена использовать чисто женские ухищрения. Например, письмо Стрешневу с предложением встречи на маскараде героиня пишет в чисто женской интригующей манере, уверяя, что «здесь нет никакой

⁶ Фемининность — модель поведения и совокупность психических качеств женского гендера, таких, как чувствительность, нежность, мягкость, жертвенность, сострадательность.

мистификации и интриги», предлагая при этом адресату вступить в затейливую игру с опознаванием на маскараде (опознавательным знаком должен послужить белый цветок в петлице Стрешнева). Подпись письма звучит не менее загадочно *Душа в маске*. Для маскарада Ольга сначала хочет «обшить домино кружевами холодного цвета утреннего осеннего неба», но по совету Хлудова выбирает серое домино, серую маску и перчатки (костюм полевой мыши), убрав все кружева, «несущие мир женского очарования, оставленный за порогом». На встрече со Стрешневым героиня цитирует Ш. Бодлера и В. Я. Брюсова, желая показаться эрудированной, что в глазах собеседника, заинтригованного совсем другим, не прибавляет ей ума. После неудавшегося разговора Ольга подвергается приставаниям своего подвыпившего знакомого Лбова, который сходу признает в глухом сером домино хорошенькую девушку. В расстроенных чувствах героиня просит Хлудова о помощи, испугавшись устроенного ею же маскарада: «Константин Андреевич! Увезите меня!» [16, с. 91].

В повести каждый шаг героини в сторону от своей сущности только приводит ее назад, и даже надев маску, в глазах мужского общества героиня остается собой, обычной привлекательной женщиной, а ее «душевные откровения» не находят отклика. Маска в повести Н. В. Недоброво служит своеобразной гендерной проекцией, за которой невозможно спрятаться. Речь идет о социальном маскараде, попытки преодоления которого всегда сопряжены с кризисом идентичности [7, с. 17–18]. В разговоре со Стрешневым Ольга подчеркивает обезличенность людей в масках: «Самой быть под маской — хорошее чувство, но видеть столько закрытых лиц — это страшно <...>. Мне вдруг почудилось, что и души безличны и одинаковы» [16, с. 87]. Парадокс кажущейся маскировочной обезличенности заключается в том, что в случае гендерных проекций маска, надетая на готовую социальную маску, дает обратный эффект, только подчеркивающий гендерное различие. При первой примерке маски Ольга отмечает, что легко солгала дяде о переписанном письме, «почувствовав свободу», от того, что больше не видно ее смущения, т. е. вступила в вынужденное противоречие с собственной идеей, что под маской способна раскрыться душа. В попытках доказать Стрешневу свою правоту и «выразить душу» героиня, будучи под маской, теряет самообладание и являет собеседнику чувствительную женскую натуру, которая проявляется в порывистой мимике, жестах, надрывном голосе. В этом контексте интересно посмотреть, как в повести происходит выстраивание маскулинной (мужской) и фемининной (женской) оппозиции⁷.

Сделав центром повести рефлексующую героиню, Н. В. Недоброво выводит ряд мужских характеров, столкновение с которыми должно раскрыть главный женский образ. Лучший друг героини Константин Андреевич Хлудов представляет собой рефлексующего интеллигента, безнадежно влюбленного в Ольгу и потакающего всем ее «шалостям». Именно Хлудов предупреждает Ольгу о возможной неудаче в ее предприятии по поиску «души в маске», всячески оберегает ее на маскараде, отвозит домой и успокаивает в финале. Подобный рыцарский типаж можно обнаружить в ранней лирике Н. В. Недоброво, например, в стихотворении 1890 г.:

О, как я вами очарован!
Наконец увидя вас,
Снова вас я вспоминаю,

⁷ Маскулинность (мужественность) включает в себя такие черты, как смелость, независимость, уверенность в себе, эмоциональный контроль и рациональность. О маскулинности и фемининности в литературе русского модернизма см.: [8, с. 30–34].

Снова прелестью своей
 Очаровали вы меня,
 И я готов весь мир забыть,
 Чтоб в нем одну тебя любить.
 Я рыцарь твой, пленила ты меня,
 О прелесть ты моя [17].

Петр Кириллович Стрешнев, чьим умом героиня очарована в самом начале, на деле оказывается холодным, рассудочным человеком, знающим себе цену и считающим женскую рефлексию пустой. В соответствии с установками своего времени Стрешнев во многом справедливо полагает, что истинная цель письма от загадочной незнакомки с предложением встречи может иметь только одну цель — тайное признание заинтересованной в нем женщины. Отставной военный дядя Павел, живущий в соответствии с патриархальной моралью, прямо говорит Ольге об истинном, весьма игривом предназначении маскарада, на который собралась племянница: «Ах, приличный маскарад — ненужная нелепость. Какое тут приличие, когда молодые женщины с молодыми мужчинами ходят и, пользуясь якобы взаимной неизвестностью, дразнят друг друга» [16, с. 80]. Услышав о реальной причине интереса племянницы к предстоящему балу, дядя сразу указывает на чрезмерно романтическую натуру Ольги: «Боже, экой романтизм в тебе сидит! Это все твои поклонники. Всякий из них так надрывается чем-нибудь перед тобой показаться, что ты и впрямь во все это поверила» [16, с. 81]. И наконец, «добрый знакомый» героини Лбов, случайно встреченный на маскараде, прямо говорит Ольге о возможности продлить карнавальное развлечение в отеле. При всем различии своих характеров мужские типажи повести сходятся в одном — снисходительном отношении к главной героине как хорошенькой девушке, а не интересной собеседнице. Даже преданный Хлудов, терпеливо выслушивающий все идеи Ольги, относится к ней, как рыцарь к своей Прекрасной даме, и не воспринимает героиню как умного собеседника, мягко, но твердо опровергая все ее доводы и во многом оправдывая поведение Стрешнева на маскараде. Дядя Павел прямо называет племянницу кокеткой, когда узнает, что «интриговать» на маскараде она будет не с Хлудовым. Стрешнев и Лбов даже под маской домино догадываются, что перед ними юная интригующая прелестница. Еще одно сходство персонажей мужчин заключается в том, что ни Хлудова, ни Стрешнева, ни дядю Павла не интересует выдвинутая героиней теория про душу в маске. Каждый из мужчин лишь поддерживает разговор с героиней в меру своего интереса, но не развивает рассуждения на поставленную тему и не пытается поставить социальный эксперимент в маске или без нее.

Стоит отметить, что повесть Недоброво хорошо вписывалась в развитие темы гендерного (фемининного) дискурса эпохи модерна. Как указывает Эконен Кирсти, «категория “новой женщины” относится к тому дискурсу, в оппозиции к которому формировался философско-эстетический дискурс (в том числе дискурс эстетизированной фемининности)» [27]⁸. В противовес западному видению дискурса «новой женщины» в консервативных трактатах рубежа веков при обсуждении «женского вопроса» индивидуальное своеобразие представительниц женского, впрочем, как и мужского, пола не артикулируется, а природа женщины трактуется мыслителями всех направлений как неизменная [10, с. 43]. Как указывают Н. Козлова и С. Рассадин, «стремясь пока-

⁸ В данном случае характеристиками «новой женщины» являются самостоятельность, бунтарство и то, что она противостоит стереотипам и ожиданиям женской роли в семье и обществе, особенно в области сексуальности [27].

зать противоположность качеств женского и мужского полов в рамках бинарных оппозиций: например, “сила — бессилие”, консерваторы доказывали, что женские качества менее значимы по сравнению с мужскими: например, сила важнее красоты» [10, с. 43]. На знакомство Н. В. Недоброво с консерваторским дискурсом указывает финал повести, в котором Ольга, оказавшись дома наедине с Хлудовым, раскрывает свою фемининную сущность, признавшись давно влюбленному в нее мужчине в собственной хрупкости и незначительности: «Какая я, значит, *маленькая*, если всю мою душу так легко было обежать⁹» [16, с. 92]. «Мне вдруг кажется, что я *совсем маленькая*. Я и не знала до сих пор, что вы такой добрый <...>. Я устала и дрема в голове» [16, с. 93]. Несмотря на достаточно острый для того времени вопрос, поднятый в повести, о месте умной женщины в мужском обществе, Н. В. Недоброво не развивает столь прогрессивную мысль, наоборот, его героиня находит свое тихое счастье в финале в соответствии с патриархальными гендерными представлениями, а маскарадная интрига отпадает¹⁰.

Особого внимания заслуживает рассмотрение гендерного вопроса, поднятого в повести, в контексте взаимоотношений Н. В. Недоброво и А. А. Ахматовой (см.: [25; 20, с. 35–69]). Как указывает Е. И. Орлова, центральный мотив повести «*Душа в маске*», заключающийся в невозможности открыть свою душу другому, можно обнаружить в ряде стихотворений А. А. Ахматовой, ближайшей подруге Недоброво: «Есть в близости людей заветная черта...» (1911), «В недуге горестном моя томится плоть, // А вольный дух уже почитет безмятежно» (1916) [20, с. 59]. Стихотворение Н. В. Недоброво «При жизни Вы разлучены с душой...»¹¹ было вынесено в дарственную надпись «Н. В. Недоброво — Анне Ахматовой» на оттиске его повести «*Душа в маске*»: «При жизни Вы разлучены с душой... / Покамест я об этом в небольшой / Не рассказал, как собираюсь, сказке, / Бездушная, — примите “Душу в маске” 2.П.1914» [17]. Обращение к А. Ахматовой, как поэту, разлученному с душой, для Н. В. Недоброво отнюдь не случайно. А. Ахматова, как и другие поэтессы эпохи модернизма, зачастую использовали «литературные маски», чтобы раскрыть свое лирическое «я» [15]¹². Употребляя эпитет «бездушная» в дарственной, Н. В. Недоброво намекает на многообразие лиц (личин) ахматовского поэтического творчества, как череды зеркальных отражений [14, с. 211–212].

Идея лирических масок тесно связана с лейтмотивом повести Недоброво — в начале XX в. женщина могла попытаться раскрыть свою душу, только надев при этом маску. В стихотворении «Ахматовой» (1913) Н. В. Недоброво прямо говорит о количестве жизней, «прожитых» поэтессой в лирике:

...Как ты звучишь в ответ на все сердца.
Ты душами, раскрывши губы, дышишь,
Ты, в приближеньи каждого лица,
В своей крови свирелей пенье слышишь!

⁹ *Обежать*, т. е. охватить.

¹⁰ В модернистской прозе более радикальным в гендерном конструировании оказался М. Кузмин в повести «Крылья» (1906), в которой предпринята попытка гендерного моделирования и самоидентификации, как бунта против буржуазных социальных и сексуальных норм [3]. Примечательно, что «Крылья» были написаны гораздо раньше «Души в маске», т. е. в момент зарождения модернистского гендерного дискурса в целом.

¹¹ Стихотворение «При жизни Вы разлучены с душой...» впервые опубликовано в книге: *Черных В.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч. 1: 1889–1917. М.: Эднториал УРСС, 1996. С. 68 — по автографу (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 195) [17].

¹² Одной из самых удачных модернистских мистификаций по сей день считается литературное творчество Черубины де Габриак [15, с. 117].

И скольких жизней голосом твоим
Искуплены ничтожество и мука... [17].

Тяга к мистификациям с целью раскрытия души была присуща не только авторам-женщинам, но и мужчинам. Например, сонет Н. В. Недоброво «В твоих объятиях я счастье познавала...» (9.VIII.1901) написан от лица некогда любимой, но брошенной и все еще любящей женщины:

... Не тронуть уж тебя пылающей любовью,
Ты холоден. Служу я пищею злословью,
Покинута тобой, поругана, слаба...

Но ты по-прежнему, изящный и прекрасный,
Живешь в моей душе, разбитой и несчастной.
Пусть ты и разлюбил, но я люблю тебя¹³ [17].

Героиня «Души в маске» полностью отвечает канону чутких лирических героинь Н. В. Недоброво, стремящихся к познанию души и терпящих душевный (сердечный) крах. Примечательно, что «Душа в маске» практически полностью построена на диалогах Ольги с окружающими ее мужчинами, а собственно, описаниям (в третьем лице), характерным для прозаического жанра, в повести отведено незначительно место¹⁴. Подобный прием преобладания диалога в прозе сближает повесть с драматической формой, а отсутствие внутренних монологов говорит о возможном желании автора раскрыть душевный мир персонажей, одетый в социальные маски, прибегая к речевым характеристикам¹⁵.

Повесть Н. В. Недоброво «Душа в маске» вобрала в себя основные идеи творчества писателя и продолжила развитие темы гендерных проекций в литературе модерна. В значительной степени поиски «души в маске», сопряженные с театральностью бытия, необходимостью социального маскарада, характерны для большинства произведений писателей-модернистов. «Литературные маски» имели своей целью подчеркнуть поиск новых форм самовыражения в попытках гендерного самоопределения модернистских поэтов и прозаиков. На оппозиции мужское/женское (маскулинности/фемининности) строится основной конфликт повести Н. В. Недоброво, связанный с невозможностью умной женщине высказаться в мужском обществе, чтобы быть услышанной и понятой, не надев при этом маску. Исходя из этого, «женский вопрос», поднятый в повести, решается в русле патриархальных представлений консервативного дискурса рубежа веков. По мысли Н. В. Недоброво, невозможность открыть душу другому можно преодолеть только обратным прочтением (сперва души, затем личины), что и происходит в повести, когда героиня находит свое счастье с человеком, давно разглядевшему ее душу. В четверостишии своему лучшему другу Б. В. Анрепу Н. В. Недоброво как-то написал: «В твоём познании о себе / я равновесья не нарушу — / даю свое лицо тебе, / тебе, кто знает мою душу» (Надписи на карточке Анрепу») (3.XII.1903) [17].

¹³ О «мужской» и «женской» лирике русского модернизма см.: [12, с. 210–227].

¹⁴ В повести описания больше похожи на развернутые ремарки, сопровождающие действие.

¹⁵ Можно также сделать предположение, что в период работы над «Душой в маске» диалогический характер повествования был близок Н. В. Недоброво, недавно завершившему трагедию в стихах «Юдифь», работа над которой велась с 1905 по 1912 гг. [18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Блок А. А.* Снежная маска: [Стихи]. СПб.: Оры, 1907. URL: <http://blok.lit-info.ru/blok/stihi/snezhnaya-mask/017.htm> (дата обращения: 25.05.2020).
- 2 *Бодлер Ш.* Цветы Зла / изд. подгот. Н. И. Балашов, И. С. Поступальский; отв. ред. Н. И. Балашов; ред. О. К. Логинова; худож. С. А. Данилов. М.: Наука, 1970. 480 с.
- 3 *Бреева Т. Н.* Гендерное конструирование в романе М. Кузмина «Крылья» // Филология и культура. 2016. № 2 (44). С. 199–204.
- 4 *Голдберг С.* Театральные стихи Блока // Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма. URL: <https://postnauka.ru/chapters/154901> (дата обращения: 25.05.2020).
- 5 *Григорьев А. Л.* Акмеизм // История русской литературы: в 4 т. Л.: Наука, 1983 / ред. тома: К. Д. Муратова. 1983. Т. 4: Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917). С. 689–711.
- 6 *Гумилев Н. С.* Романтические цветы: Стихи. 1903–1907. СПб.: Книгоиздательство Прометей, Н. Н. Михайлова, 1918. С. 18–19.
- 7 *Завершинская Н. А.* Социальный маскарад и его гендерные проекции // Вестник НовГУ. 2005. № 33. С. 17–21.
- 8 *Зусева-Озкан В. Б.* Маскулинность и фемининность в литературе русского модернизма: случаи Блока и Цветаевой // Вестник ТГУ. 2019. № 448. С. 30–34.
- 9 *Карпачев В. С.* Особенности коммуникативной организации ранних ролевых стихотворений Н. С. Гумилева (на примере поэтического сборника «Романтические цветы») // Вестник славянских культур. 2016. № 1 (39). С. 126–133.
- 10 *Козлова Н., Рассадин С.* Дискурсивные эффекты модернизации: «женский вопрос» как механизм интеграции женщин в общество модерна // Власть. 2013. № 12. С. 40–44.
- 11 *Кузмин М. А.* Сети: Первая книга стихов / обл. работы Н. Теофилактова. М.: Скорпион, 1908. URL: <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/stihi/stih-83.htm> (дата обращения: 26.05.2020).
- 12 *Кузнецова Е. А.* Мотив «пророчества о нашем дне» в «мужской» и «женской» лирике русского модернизма (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 210–227.
- 13 *Мазина Е. И.* Философия творчества начала XX века // Вестник славянских культур. 2011. № 2 (XX). С. 21–23.
- 14 *Марков А. В.* «Леонардески» Ахматовой: комментарий к живописной реальности // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 4. С. 208–217. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-208-217
- 15 *Михайлова М.* Лица и маски русской женской культуры Серебряного века // Гендерные исследования: Феминистская методология в социальных науках. Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 1998. С. 117–132.
- 16 *Недоброво Н. В.* Душа в маске // Русская мысль: журнал научный, литературный и политический. 1914. Кн. 1. С. 77–93
- 17 *Недоброво Н. В.* Стихотворения. 1919 // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/n/nedobrowo_n_w/text_1919_poe.shtml (дата обращения: 25.05.2020).
- 18 *Недоброво Н. В.* Юдифь. Трагедия в стихах // *Недоброво Н. В.* Милый голос. Избранные произведения. Томск: Водолей, 2001. URL: http://az.lib.ru/n/nedobrowo_n_w/text_1919_judif.shtml (дата обращения: 28.05.2020).

- 19 Орлов Вл. Примечания // Александр Блок. Собр. соч.: в 8 т. М.;Л.: ГИХЛ, 1960. Т. 2. С. 426–428.
- 20 Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. М.: Флинта, 2019. 432 с.
- 21 Орлова Е. И. Н. В. Недоброво и акмеизм // Вопросы литературы. 2001. № 3. С. 313–321.
- 22 Орлова Е. И. Поэтическая и научная деятельность Н. В. Недоброво в контексте литературно-эстетического движения 1910-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 381 с.
- 23 Петрова Г. В. Федор Сологуб о театре и о трагедии // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 202–219. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-202-219
- 24 Письма Н. В. Недоброво к Блоку / предисл., публ. и коммент. М. М. Кралина // Литературное наследство / под ред. И. С. Зильберштейн, Л. М. Розенблюм; подбор ил. Н. А. Кайдалово, Н. Н. Примочкиной. М.: Наука, 1981. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 292–296.
- 25 Струве Г. Ахматова и Н. В. Недоброво // Анна Ахматова: Pro et contra. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 539–586.
- 26 Филатов А. В. Миф об Адаме в лирике Н. С. Гумилева // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 4. С. 170–183. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-170-183
- 27 Эконен К. Дискурс «новой женщины» // Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. URL: <https://lit.wikireading.ru/45063> (дата обращения: 28.05.2020).

***

© 2021. Marianna V. Kaplun
Moscow, Russia

GENDER PROJECTIONS IN THE NOVEL *SOUL IN A MASK* BY N. V. NEDOBROVO

Acknowledgements: The research is performed within IWL RAS with support of the grant of the Russian Science Foundation (project number 19-78-10100).

Abstract: The prose novel by N. V. Nedobrovo *Soul in A Mask*, written in 1914, incorporates basic ideas of the writer's work and continues development of gender (feminine) discourse of the modern era. To a large extent, the search for a "soul in a mask", the ability to express a lyrical "I", coupled with the theatricality of being, the need for a social masquerade, are characteristic of the majority of modernist works. The theme of masks is equally present in the lyrics of symbolism and close to Nedobrovo acmeism (for example, in the work of A. A. Akhmatova, Nedobrovo's closest friend). The masquerade performs two functions in the novel — plot-forming and philosophical. Having made the center of the story of the reflecting heroine Olga, Nedobrovo displays a number of male characters, a collision which meant to reveal the title female character. Male / female opposition (masculinity / femininity) informs the main conflict of the novel, related to the inability of an intelligent woman of expressing herself in a male society without wearing a mask. The paper shows that the mask serves as a kind of gender projection and represents an attempt to overcome the social masquerade, which is always associated with an identity crisis. Mask, as applied to the heroine and her ready-

made social mask gives an opposite effect, only emphasizing the gender difference and, accordingly, leading to the disclosure of the heroine's femininity. Based on this, "female issue" raised in the story is resolved in compliance with patriarchal ideas of the conservative gender discourse of the turn of the century.

Keywords: Nedobrovo, *Soul in A Mask*, modernism, novel, mask, masquerade, theatricality, gender discourse, gender projection, gender opposition, femininity, masculinity.

Information about the author: Marianna V. Kaplun — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya, 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2427-2855>. E-mail: tangosha86@mail.ru

Received: May 29, 2020

Date of publication: June 28, 2021

For citation: Kaplun M. V. Gender projections in the novel *Soul in A Mask* by N. V. Nedobrovo. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 60, pp. 188–200. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-60-188-200>

REFERENCES

- 1 Blok A. A. *Snezhnaia maska: [Stikhi]* [The mask of Snow: [Poems]]. St. Petersburg, Ory Publ., 1907. Available at: <http://blok.lit-info.ru/blok/stihi/snezhnaya-mask/017.htm> (accessed 25 May 2020). (In Russian)
- 2 Bodler Sh. *Tsvety Zla* [The flowers of Evil], edition prepared by N. I. Balashov, I. S. Postupal'skii; responsible editor N. I. Balashov; editor O. K. Loginova; artist S. A. Danilov. Moscow, Nauka Publ., 1970. 480 p. (In Russian)
- 3 Breeva T. N. Gendernoe konstruirovaniye v romane M. Kuzmina "Kryl'ia" [Gender construction in M. Kuzmin's novel "Wings"]. *Filologiya i kul'tura*, 2016, no 2 (44), pp. 199–204. (In Russian)
- 4 Goldberg S. Teatral'nye stikhi Bloka [Theatrical verses by Blok]. In: *Mandel'shtam, Blok i granitsy mifopoeticheskogo simvolizma* [Mandelstam, Blok and Frontiers of Mythopoetic Symbolism]. Available at: <https://postnauka.ru/chapters/154901> (accessed 25 May 2020). (In Russian)
- 5 Grigor'ev A. L. Akmeizm [Acmeism]. In: *Istoriia russkoi literatury: v 4 t.* [The History of Russian Literature: in 4 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, red. vol.: K. D. Muratova, vol. 4: Literatura kontsa XIX – nachala XX veka (1881–1917) [Literature of the late 19th – early 20th centuries (1881–1917)], pp. 689–711. (In Russian)
- 6 Gumilev N. S. *Romanticheskie tsvety: Stikhi. 1903–1907* [Romantic flowers: Poems. 1903–1907]. St. Petersburg, Knigoizdatel'stvo Prometei, N. N. Mikhailova Publ., 1918, pp. 18–19. (In Russian)
- 7 Zavershinskaia N. A. Sotsial'nyi maskarad i ego gendernye proektsii [Social masquerade and its gender projections]. *Vestnik NovGU*, 2005, no 33, pp. 17–21. (In Russian)
- 8 Zuseva-Ozkan V. B. Maskulinnost' i femininnost' v literature russkogo modernizma: sluchai Bloka i Tsvetaevoi [Masculinity and Femininity in the Literature of Russian Modernism: Cases of Blok and Tsvetaeva]. *Vestnik TGU*, 2019, no 448, pp. 30–34. (In Russian)
- 9 Karpachev V. S. Osobennosti kommunikativnoi organizatsii rannikh rolevykh stikhotvorenii N. S. Gumileva (na primere poeticheskogo sbornika "Romanticheskie

- tsvety”) [Features of the communicative organization of early role-playing poems by N. S. Gumilyov (by the example of a poetic collection “Romantic Flowers”). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, no 1 (39), pp. 126–133. (In Russian)
- 10 Kozlova N., Rassadin S. Diskursivnye efekty modernizatsii: “zhenskii vopros” kak mekhanizm integratsii zhenshchin v obshchestvo moderna [The discursive effects of modernization: the “women’s issue” as a mechanism for women’s integration into the modernist society]. *Vlast'*, 2013, no 12, pp. 40–44. (In Russian)
- 11 Kuzmin M. A. *Seti: Pervaia kniga stikhov* [Nets: First Book of Poems], region of work N. Feofilaktova. Moscow, Skorpion Publ., 1908. Available at: <http://kuzmin.lit-info.ru/kuzmin/stihi/stih-83.htm> (accessed 25 May 2020). (In Russian)
- 12 Kuznetsova E. A. Motiv “prorochestva o nashem dne” v “muzhskoi” i “zhenskoi” lirike russkogo modernizma (Stat'ia pervaiia) [The Motif of “Prophecy of Our Day” in the “Male” and “Female” Lyrics of Russian Modernism (Article I)]. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2019, no 4 (51), pp. 210–227. (In Russian)
- 13 Mazina E. I. Filosofia tvorchestva nachala XX veka [Philosophy of Creativity at the Beginning of the 20th century]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2011, no 2 (XX), pp. 21–23. (In Russian)
- 14 Markov A. V. “Leonardski” Akhmatovoi: kommentarii k zhivopisnoi real'nosti [Akhmatova’s “Leonaderschi”: A Commentary on the Pictorial Reality]. *Studia Litterarum*, 2017, vol. 2, no 4, pp. 208–217. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-208-217 (In Russian)
- 15 Mikhailova M. Litsa i maski russkoi zhenskoi kul'tury Serebriianogo veka [Faces and masks of Russian female culture of the Silver Age]. In: *Gendernye issledovaniia: Feministskaia metodologiia v sotsial'nykh naukakh* [Gender Research: Feminist Methodology in the Social Sciences]. Khar'kov, Khar'kovskii tsentr gendernykh issledovaniia Publ., 1998, pp. 117–132. (In Russian)
- 16 Nedobrovo N. V. Dusha v maske [Soul in A Mask]. *Ruskaia mysl': zhurnal nauchnyi, literaturnyi i politicheskii*, 1914, g. 35, book 1, pp. 77–93. (In Russian)
- 17 Nedobrovo N. V. Stikhotvoreniia. 1919 [Poems]. In: *Az.lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/n/nedobrowo_n_w/text_1919_poe.shtml (accessed 25 May 2020). (In Russian)
- 18 Nedobrovo N. V. Iudif. Tragediia v stikhakh [Judith. Tragedy in verse]. In: *Milyi golos. Izbrannye proizvedeniia* [Sweet Voice. Selected Works], N. V. Nedobrovo. Tomsk, Vodolei Publ., 2001. Available at: http://az.lib.ru/n/nedobrowo_n_w/text_1919_judif.shtml (accessed 28 May 2020). (In Russian)
- 19 Orlov VI. Primechaniia [Notes]. In: Aleksandr Blok. *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Alexander Blok. Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Leningrad, GIKhL Publ., 1960, vol. 2, pp. 426–428. (In Russian)
- 20 Orlova E. I. *Literaturnaia sud'ba N. V. Nedobrovo* [The Literary Fate of N. V. Nedobrovo]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 432 p. (In Russian)
- 21 Orlova E. I. N. V. Nedobrovo i akmeizm [Nedobrovo and Acmeism]. *Voprosy literatury*, 2001, no 3, pp. 313–321. (In Russian)
- 22 Orlova E. I. *Poeticheskaia i nauchnaia deiatel'nost' N. V. Nedobrovo v kontekste literaturno-esteticheskogo dvizheniia 1910-kh godov* [Poetic and scientific activity of N.V. Unkindly in the context of literary and aesthetic movement of the 1910s: DSc thesis]. Moscow, 2004. 381 p. (In Russian)
- 23 Petrova G. V. Fedor Sologub o teatre i o tragedii [Fyodor Sologub on Theater and Tragedy]. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, no 4, pp. 202–219. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-202-219 (In Russian)

- 24 Pis'ma N. V. Nedobrovo k Bloku [The Letters of N. V. Nedobrovo to Blok], preface, publication and comments of M. M. Kralina. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], edited by I. S. Zil'bershtein, L. M. Rozenblium; selection of illustrations by N. A. Kaidalovoi, N. N. Primochkinoi. Moscow, Nauka Publ., 1981, vol. 92: Aleksandr Blok: Novye materialy i issledovaniia [Alexander Blok: New materials and Research], book, pp. 292–296. (In Russian)
- 25 Struve G. Akhmatova i N. V. Nedobrovo [Akhmatova and N.V. Nedobrovo]. In: *Anna Akhmatova: Pro et contra* [Anna Akhmatova: Pro et contra]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGI Publ., 2001, pp. 539–586. (In Russian)
- 26 Filatov A. V. Mif ob Adame v lirike N. S. Gumileva [The Myth of Adam in Nikolay Gumilev's Poetry]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no 4, pp. 170–183. DOI: 10.22455/2500-4247-2018-3-4-170-183 (In Russian)
- 27 Ekonen K. Diskurs “novoi zhenshchiny” [The Discourse of “new woman”]. In: *Tvorets, sub"ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v rusском simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Female Writing Strategies in Russian Symbolism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. Available at: <https://lit.wikireading.ru/45063> (accessed 28 May 2020). (In Russian)